

области, в среднем для всех регионов выбытия в СССР превышала 80 %, а доля переселенцев, приехавших в сельские населенные пункты, ни в одной категории не достигала 20 %. Видно также, что показатели городской миграции проявляли склонность к большей вариации, доходившей почти до 15 % относительно среднего значения, тогда как различия в интенсивности сельской миграции были менее заметны. Причем, в обоих случаях наибольший разброс значений фиксировался для мигрантов из союзных республик, предопределяя более значительные колебания итоговых показателей по всем регионам в целом.

Таким образом, как показывают материалы переписи 1970 г., миграция являлась важным фактором формирования населения Челябинской области, определяя особенности его состава и

оказывая непосредственное влияние на его общую численность.

Примечания

¹ Народонаселение : энциклопедический словарь. М., 1994. С. 305.

² Моисеев В. М. Миграция населения в переписях России и СССР // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 30.

³ См. подробнее: Там же. С. 30–37; Она же. Внутренняя миграция населения. М., 2004. С. 74–85.

⁴ См. подробнее: Всесоюзная перепись населения 1970 года : сб. ст. / под ред. Г. М. Максимова. М., 1976.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII. М., 1974. С. 3, 8–9.

⁶ Под «новоселами» в данном случае понимается приезжее население, прожившее в данной местности менее 10 лет. См.: Демографический понятийный словарь / под ред. А. Л. Рыбаковского. М., 2003. С. 58–59.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5704. Л. 5–6.

О. Ю. Никонова, С. А. Сулейманова

«Мы хотим, чтобы с Ярушки вышел хороший человек, друг Советского Союза...»: переписка А. И. Александрова и Я. Рабасова в контексте советской культурной дипломатии¹

В современной российской и зарубежной историографии можно считать устоявшимся тезис о поворотном значении 1956 г. для внешнеполитической и культурно-дипломатической стратегии СССР². Как отмечают Н. А. Трегубов и А. Д. Попов, «важнейшей новацией советской культурной дипломатии периода “оттепели” стала инициированная властями активизация прямых личных контактов face-to-face между советскими и иностранными гражданами»³. Пожалуй, наиболее значимый импульс придал этому процессу VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, прошедший в июле 1957 г. в Москве. Впервые после сталинской социокультурной изоляции советские граждане получили возможность соприкоснуться с представителями других стран в таком массовом масштабе. Социокультурным «эхом» фестиваля стало появление новых для большинства жителей СССР культурных практик — например, активных эпистолярных контактов с иностранцами.

Новые тенденции в сфере советской внешней политики и культурной дипломатии нашли институциональное выражение в реорганизации Всероссийского общества культурной связи с заграницей в Союз советских обществ дружбы, учреждении Советского фонда мира, образовании специального правительственного органа по продвижению советской «мягкой силы» за рубежом — Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами. На негосударственном уровне появились инициативы, которым было суждено стать устойчивыми практиками вплоть до распада СССР. В 1957 г. в школе № 67 Нижнего Новгорода был создан первый

клуб интернациональной дружбы, и в течение 1960-х гг. эта организационная форма стала очень популярной⁴. Именно КИДы способствовали широкому распространению «дружбы по переписке» среди советских детей и молодежи.

Настоящая статья посвящена анализу кейса, демонстрирующего некоторые особенности «дружбы по переписке» на примере документов личного фонда Анатолия Ивановича Александрова, хранящегося в ОГАЧО. Основное внимание мы уделим таким вопросам, как: теоретические основы анализа «дружбы по переписке»; особенности коммуникации, проявляющиеся в кейсе Александрова; отображение специфики советской культурной дипломатии в практиках интернациональной переписки и ее социокультурного контекста.

Обмен письмами между заслуженным учителем РСФСР А. И. Александровым и его адресатом из Чехословакии Ярославом Рабасовым продолжался с января по апрель 1963 г. и завязался на почве переписки детей — Ярушки Рабасовой и Сережи Александрова. Эпистолярный кейс представлен всего десятью письмами, восемь из которых написаны Рабасовыми (отцом и дочерью), а два — Александровым. Письма его сына Сергея в личном фонде не сохранились. Вероятно, первое послание или почтовый адрес из Чехословакии семья Александровых получила в школе или КИДе. В одном из первых писем Я. Рабасов передает благодарность «товарищу Потаповой» за передачу адресов, т. к. дочка Рабасова — Ярушка — была ученицей второго класса пражской школы и еще не начала изучать русский язык, переписка представляет собой интересный вари-

ант «смешанного» взрослого и детского письма. По просьбе Ярушки, отец писал за нее или дописывал начатые ей письма. Таким образом, в переписке встречаются как комбинированные послания, так и отдельные письма взрослых участников общения. Структурно переписка разделяется на два блока: 1) общение Сережи и Ярушки и 2) эпистолярные контакты Александра Ивановича и Ярослава.

Теоретической предпосылкой для анализа кейса Александра — частного случая «дружбы по переписке» — может служить его рассмотрение как акта коммуникации. Отталкиваясь от концепции коммуникативного действия Ю. Хабермаса, можно интерпретировать переписку Александра — Рабасова как модель коммуникативного действия, ориентированного на достижение взаимопонимания. Актор, вовлеченный в коммуникацию, указывает Ю. Хабермас, является одновременно *инициатором* действий и «*продуктом* традиций, в которых он живет, сплоченных групп, к которым он принадлежит, и процессов социализации, в которых он достигает зрелости»⁵. Исходя из этого, авторы писем могут рассматриваться как типичные представители определенных групп населения Чехословакии и СССР. В ходе переписки ее взрослые участники представились друг другу, что дает возможность охарактеризовать персонажей.

Ярослав Рабасов — это молодой и целеустремленный мужчина с активной политической и гражданской позицией. Ему 32 года, он женат, имеет дочь Ярушку и вскоре вновь станет отцом. После окончания коммерческой академии работал планировщиком на шахте, вступил там в компартию и стал партработником, затем служил в армии как офицер-политработник. На момент переписки Рабасов был служащим министерства и получал второе образование — «записался на филологический факультет университета». Ярослав делился с Александровым планами: «Буду учиться французскому, испанскому и русскому языкам»⁶. При этом в другом письме упоминается, что русский язык он начал изучать с 19 лет. Рабасов несколько раз извиняется за плохое знание русского и выражает желание улучшить свои познания в языке.

На основе переписки можно сделать вывод, что чета Рабасовых были убежденными партийцами. Увлеченность Рабасова социалистическими идеями красной нитью проходит через все его письма. Даже переписку детей он склонен считать инструментом идеологического воспитания: «...мы хотим, чтобы с Ярушки вышел хороший человек, друг Советского Союза и верим, что дружба с Вашим сынком будет очень полезна для создания ее сознания. Я и жена — члены партии и любим СССР, как нашу Родину»⁷. Хотя нельзя исключить, что образ убежденных «друзей» СССР был создан Рабасовым целенаправленно, для облегчения коммуникации. При написании письма автор подвергает его внутренней цензуре, формируя у реципиента тот образ, который тот хотел

бы увидеть. Ориентация на конвенциональные ценности или ожидания «Другого» — это один из базовых принципов в «понимающей» социологии М. Вебера, который Ю. Хабермас интегрировал в свою концепцию коммуникации⁸.

В значении переписки как инструмента воспитания Рабасов и Александров солидарны. Мнение Александрова базируется на многолетнем опыте работы учителем, о котором он рассказывает достаточно подробно. Анатолий Иванович подошел к вопросу самопрезентации в письме очень серьезно. Он указывает возраст и профессию. На момент переписки самому Александрову 51 год, его супруге Зое Арсеньевне — 41. Оба были учителями, Александров работал в школе, а жена — в училище, которое готовило клубных работников. В семье Александровых было двое детей — 15-летняя дочь Ирина и 8-летний Сергей. В своих письмах Александров сообщает, что воевал, сейчас работает учителем истории и обществознания, занимается краеведением, интересуется историей Чехословакии, в частности — историей Уральского добровольческого танкового корпуса, участвовавшего в освобождении г. Праги. «Чехословакией я интересуюсь давно, — сообщает Анатолий Иванович своему корреспонденту. — Наша школа уже около 15 лет ведет переписку со школьниками Брно, Смиржици, Лозовицы»⁹. Вероятно, и свое участие в «детской» переписке Александров считает продолжением работы по интернациональному воспитанию.

В сюжете о мотивации к интернациональному общению можно констатировать первый «конфликт интересов» в переписке Александрова и Рабасова. Инициатива обмена письмами между взрослыми принадлежала Рабасову: «...Предлагаю Вам одну нескромную просьбу. Может вас интересует что-то о нашей стране. Кроме наших детей переписку могли бы вести и мы»¹⁰. Из дальнейших пояснений можно предположить, что намерения вступить в переписку у чеха подпитывалась внутренними, сентиментальными мотивами. Ярослав писал, что в 1960 г. ему довелось посетить Москву, Ленинград и Киев, поездка произвела на него глубокое впечатление, и ему хотелось бы побывать в СССР еще раз. Таким образом, для Рабасова переписка стала способом символической коммуникации, своеобразным виртуальным путешествием. Он читает советскую и русскую литературу, жалеет, что не имеет достаточно времени для изучения истории Советского Союза, расспрашивает Александровых о повседневной жизни советских граждан. И выражает готовность к симметричному обмену информацией: «Постараюсь скоро написать что-то о современной жизни в ЧССР, если вас это будет интересовать»¹¹. Рабасов воспринимает обмен посланиями как некую условную модель советско-чехословацких отношений, где СССР — Александровы и ЧССР — Рабасовы абсолютно равны. Основанием для такого предположения являются повторяющиеся пожелания Рабасова о взаимном обмене информацией и опытом.

А. И. Александрова гораздо больше привлекает возможность выступать в привычных амплуа учителя и просветителя. Он предпочитает не обмениваться информацией, а выдавать ее на свое усмотрение, не всегда учитывая желания и возможности собеседника. К примеру, он высылает Рабасову статью о Ю. Фучике, а Ярушке — сказки народов СССР на украинском языке, немало не заботясь о том, что украинский язык, равно как и объемный, насыщенный канцеляритом газетный текст могут вызвать сложности у читателя. В итоге, Рабасов в шуточной форме жалуется: «Твои сказки, Сережа, очень красивые, но они принесли для меня много трудностей, так как некоторые из них на украинском языке, который я не очень хорошо понимаю. Ярушка хочет, чтобы я во что бы то ни стало перевел их. Уже много мы насмеялись над этим. Ярушка смеется, что я никак не знаю по-русски. Но что мне делать — терпеть»¹². Такое отношение к собеседнику в целом типично для Александрова. Он увлечен идеей интернациональной дружбы, и переписка с иностранными гражданами прослеживается в его личных фондах вплоть до 1984 г. Показательно, что все его собеседники значительно младше. Причем, и в этих письмах Александров придерживается привычной для него поведенческой модели учителя — в его последней интернациональной переписке с 17-летней Тересой Ласковской он выступает с критикой современной музыки, доказывая преимущество классики. В этой связи неудивительно, что и эта переписка оборвалась также быстро¹³.

Возможно, именно несовпадение ожиданий и «жизненных миров»¹⁴ корреспондентов привело к обрыву эпистолярной истории. Переписка Александрова — Рабасова прекращается на письме Анатолия Ивановича, в котором он выражает резкое недовольство системой ценностей современного чешского общества, отображенной в спектакле «Щедрый вечер» Владислава Бражека. И если в начале письма Александров пишет, что интересуется только мнением собеседника по поводу постановки, то уже к заключительной части повествования он пускается в достаточно резкие морализаторские рассуждения, обличающие нравы чешской молодежи: «На протяжении всего спектакля автор старается убедить зрителей в примирении с отрицательными явлениями. Например с тем, что старшая дочь партработника спешит выйти замуж, т. к. у нее через два месяца будет ребенок. Его сын и по внешнему виду, по рассуждениям и отношению к своей девушке (уводит ее в темную ванную комнату, садит к себе на колени и т. п.) напоминает типичного «стилягу». Жених дочери, в свое время обидевшись на несправедливое по его мнению отношение к своему товарищу (сыну помещика), выходит из детской демократической организации, выражает открыто нелояльность к существующему демократическому строю. Помимо всего, он упивается своим индивидуализмом. И все это автор оправдывает и, хотя кое-что немного осуждает,

больше умиляется всем этим. Он и назвал пьесу «Щедрый вечер», так щедро все прощается в ней». Письмо из приглашения к диалогу превращается в дидактически-назидательное наставление: «Мои претензии к автору — это, прежде всего, что пьеса отражает не главное в жизни современной Чехословакии. Темы, поднимаемые в ней, — мелковаты. Получается психологическая буря в стакане воды, — пишет Александров. — ...Одним словом, пьеса интересна психологическими столкновениями, но их уже слишком много, главное, автор как-то постепенно проводит всепрощающую христианскую мораль, не свойственную остроте нашей современной идеологической борьбы»¹⁵.

Вероятно, менторский тон монолога и покровительственные интонации не способствовали продолжению дружеской переписки. И если Рабасов видел себя равным Александрову, то Александров представлял себя (СССР) — старшим братом, задача которого наставить на путь истинный заблудшего и сбившегося с идеологически-выверенного курса младшего брата (ЧССР). Таким образом, Александров олицетворяет в переписке советскую систему во всей полноте ее идеологических взаимоотношений со странами «социалистического лагеря». Он — воплощение идейного стержня советской культурной дипломатии: ортодоксального марксизма-ленинизма, дидактически ориентированного и консервативно настроенного к инновациям любого вида.

Из детской переписки в личный фонд попали только письма, написанные Ярушкой. По-русски Ярушка не говорит (в переписке указано, что русский язык в Чехословакии начинают изучать в школе с четвертого класса) и большая часть ее писем написаны рукой отца. В своих письмах к Александровым Ярослав Рабасов описывает дочку, как насмешливую и живую девочку и сокрушается, что она не слишком любит читать: «Очень бы хотел, чтобы и дочка много читала, но в настоящий момент она больше любит играть с куклами»¹⁶.

Что могут рассказать письма о самой Ярушке? Ей восемь лет, она ходит во второй класс, в школе состоит в организации «Искра» (чехословацкий аналог октябрятской организации). Ярушка любит смотреть телевизор, шить наряды для своих кукол, занимается гимнастикой и увлекается рисованием. Несколько рисунков она высылает Александровым, в том числе и в качестве подарка матери Сергея к Международному женскому дню 8 марта. Кроме рисунков, письма проиллюстрированы фотографией. На черно-белой фотографии изображена девочка, сидящая на диване с куклой в руке. Она коротко острижена, на ней надет пуловер и простые брюки со стрелками. Окружающий интерьер, прическа, поза и одежда ничем не отличают ее от ровесниц из Советского Союза.

Так как детская переписка представлена в письмах опосредованно, она обладает одновременно признаками и «детского», и «взрослого»

эпистолярного жанра. Содержательно детская часть переписки в большей степени ориентирована на обмен информацией, характеризующей сферу повседневной жизни. «Я живу с родителями в столице Чехословакии Праге, — записывал Ярослав Рабасов под диктовку Ярушки. — Теперь у нас 4 недели каникулы, так как большой мороз. Я была с папой и мамой в горах, где я неделю ездила на лыжах. Я очень рада рысую¹⁷, очень люблю шить для моих кукол и смотреть на телевидение. В школе одержала только пятерки (у нас пятерки есть 1). Посылаю тебе свою фотокарточку и прошу послать Твою. Посылаю еще несколько марок и в следующий раз пришлю их побольше»¹⁸.

Важную функцию в детской переписке играл обмен материальными артефактами. Дети, как правило, делились чем-то из своих детских коллекций. Подобный обмен типичен для детской коммуникации, вне зависимости от степени близости межличностного взаимодействия. Детский мир материален, и посредством обмена его материальными атрибутами (марки, открытки, монеты, фото) дети преодолевали культурные и территориальные границы наиболее простым и понятным для них способом. Родители, обмениваясь подарками, посылали для детей книжки. Александровы подарили своей чешской приятельнице сказки Н. Носова о Незнайке и двухтомный альбом сказок народов СССР. Рабасовы отправили Сереже сказки чешской писательницы Божены Немцовой. О реакции сына Александрова нам ничего неизвестно. А Ярослав Рабасов читал Ярушке книги, присланные из СССР, и старательно фиксировал в письмах впечатления дочери. Больше всего чехословацкой девочке понравились книги о Незнайке, с которыми она была знакома и раньше. А вот сказки на украинском стали для Рабасовых весьма неоднозначным подарком, в результате которого способности отца к русскому языку были поставлены под сомнение. Необходимо отметить, что в переписке Александрова — Рабасова «детское письмо» является менее значимым явлением, чем эпистолярной взрослым. В связи с этим, анализ этого жанра «дружбы по переписке» в нашем кейсе не является главным.

Изучение эпистолярной истории взаимоотношений А. И. Александрова с Ярославом Рабасовым наталкивает на мысль, что для Александрова идея интернациональной дружбы была не столько способом символической коммуникации и попыткой интегрироваться в мир «Другого», сколько репрезентацией его политических воззрений и их трансляцией собеседнику в формате

монолога. Александров мало интересуется предметами материальной культуры, современными явлениями и частной жизнью своих корреспондентов. Он мало настроен на обмен информацией, скуп и краток в сообщениях о себе. Гораздо больше и ярче он пишет о том, что имеет идеологическую окраску, ему интереснее наставлять, а не сопоставлять. Переписка, таким образом, представляет собой эпистолярную модель биполярного мира, где Александров, как представитель Советского Союза, выступает в роли покровителя и учителя младших товарищей из «социалистического блока». Патерналистскую модель взаимоотношений, характерную для советской культурной дипломатии и сферы внешней политики СССР в «восточном блоке» Александров переносит на межличностные отношения и, также как и советский режим, терпит поражение: переписка обрывается.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10213).

² См.: *Трегубов Н. А., Попов А. Д.* Советская культурная дипломатия в 1956–1967 гг.: импульс и динамика «культурного наступления» // Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны (1945–1989) : сб. документов / редкол.: О. С. Нагорная и др. Челябинск, 2017. С. 69–76; *Rupprecht T.* Soviet Internationalism after Stalin. Interaction and Exchange between the USSR and Latin America during the Cold War. Cambridge, 2015. P. 22–24.

³ *Трегубов Н. А., Попов А. Д.* Указ. соч. С. 73.

⁴ *Куч А. Г.* Клубы интернациональной дружбы как центры воспитания в опыте российской школы // Человек и образование. 2010. № 2 (23). С. 59.

⁵ *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 201–202.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1532. Оп. 2. Д. 18. Л. 57.

⁷ Там же. Л. 62.

⁸ *Верболович О.* Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М., 2013. С. 37–39.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1532. Оп. 2. Д. 5. Л. 120–130, 137, 207–208.

¹⁰ Там же. Д. 18. Л. 54.

¹¹ Там же. Л. 62.

¹² Там же. Л. 59.

¹³ Там же. Оп. 7. Д. 248. Л. 9.

¹⁴ О концепции «жизненного мира» и его роли в коммуникации см.: *Хабермас Ю.* Указ. соч. С. 202–204; *Дивисенко К. С.* (Авто)биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 36–52.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1532. Оп. 2. Д. 18. Л. 76–77.

¹⁶ Там же. Л. 56.

¹⁷ Здесь и далее сохранена орфография оригинала.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1532. Оп. 2. Д. 18. Л. 53.